

И. В. Побережников
**АКТОРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ:
 ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ***

УДК 94 (470):930.1

ББК 63.01

В статье на основе историографического анализа выявлены полярные представления в интерпретации движущих сил российской имперской модернизации и роли государства в ее осуществлении. Обоснована эвристическая значимость оценки готовности человеческих ресурсов страны в целом к модернизационным преобразованиям на основе анализа уровня образованности, качества жизни, адаптационных возможностей и т. д. Предлагается новый методологический подход к анализу российской модернизации имперского периода, предполагающий выявление роли основных ее акторов, эволюции акторных структур, реконструкцию модернизационных стратегий акторов. Такой подход способствует углублению представлений о закономерностях и особенностях перехода от традиционного к современному обществу в условиях имперской России.

Ключевые слова: *Россия, империя, модернизация, акторы, агенты, ключевые переменные, деятельность, стратегия, мотивация, государство, бюрократия, гражданское общество, предприниматели, профессионалы, интеллигенция*

На протяжении последних десятилетий тема российских модернизаций активно разрабатывалась в отечественной литературе. В опубликованных трудах уже нашел отражение ряд значимых теоретических, историографических и конкретно-исторических проблем истории российских модернизаций.¹ Наиболее полно раскрыты темы цивилизационно-модернизационной динамики развития России, субпроцессов, моделей модернизации.² Однако проблема движущих сил российских модернизаций XVIII — начала XX вв., их агентов и про-

водников в страновом и региональном измерении еще не являлась предметом комплексного изучения и теоретико-методологической рефлексии. Между тем без ее освоения невозможно понимание фундаментальных особенностей российского пути развития. Более того, данная проблема имеет и существенную общественную значимость. Одной из ключевых предпосылок успешной реализации модернизационного проекта является наличие в современном российском обществе действующих субъектов, способных выступить акторами модернизации. Но на вопрос об их присутствии и идентификации дается множество ответов, порой полярно противоположных: например, утверждается, что модернизация в России невозможна вследствие отсутствия самих субъектов модернизации или что возможными акторами модернизации являются представителями среднего класса или чиновники.³

Между тем в рамках классической модернизационной парадигмы исследователи редко обращались к анализу движущих социальных сил модернизации, влияния (в том числе противостояний) социальных коалиций на ход и характер модернизации. К числу немногих исключений можно отнести фундаментальный труд Б. Мура (1967), в котором он выделил три

¹ Напр., см.: Проскурякова Н. А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // *Вопр. истории.* 2005. № 7. С. 153–165; Она же. К вопросу о концептуализации экономического развития России XIX — начала XX вв. // *Экономическая история. Обзорение.* Вып. 11. М., 2005. С. 151–158; Большакова О. В. Парадигма модернизации в англо-американской русистике (Российская империя) // *Политическая наука. Политическое развитие и модернизация: современные исследования: сб. науч. тр.* М., 2003. С. 139–157.

² *Модернизация: Зарубежный опыт и Россия* / Красильщиков В. А., Гутник В. П., Кузнецов В. И., Белоусов А. Р. [и др.]. М., 1994; *Опыт российских модернизаций XVIII–XX века.* М., 2000; *Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект.* Екатеринбург, 2011; *Россия реформирующаяся.* Вып. 12: ежегодник. М., 2013. С. 157–380.

Побережников Игорь Васильевич — д.и.н., зав. сектором методологии и историографии, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: pober1871@mail.ru

* *Исследование выполнено за счет гранта РНФ №14-18-01625 «Акторы российской имперской модернизации (XVIII — начало XX вв.): региональное измерение»*

³ Напр., см.: Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М., 2001; Яковлев А. А. Агенты модернизации. М., 2007; *Возможна ли модернизация в России? (материалы «круглого стола»)* // *Мир России.* 2008. № 2. С. 69–91.

траектории модернизации в зависимости от того, кто выступал в качестве лидера или основной движущей силы процесса — буржуазия, дворянство или крестьянство.⁴ Вряд ли возможно и эффективное применение марксистского «классового подхода», который, как правило, сводился к объявлению одного класса «господствующим», а другого — «эксплуатируемым».⁵

Соответственно, до сих пор в отечественной исторической литературе модернизация изучалась преимущественно на страновом (или региональном) макроуровне в формате осуществления модернизационных subprocessов (индустриализации, урбанизации, демографической революции, бюрократизации, демократизации, рационализации, профессионализации, образовательной революции). В подобных исследованиях модернизацию обыкновенно представляли как автоматический процесс, направляемый «анонимными» закономерностями, и которым дирижировало государство как почти единственный модернизационный актор.

Представляется, что использование акторного подхода может открыть новые горизонты при изучении российских модернизаций, позволит существенно обновить инструментарий этих исследований. Термин «актор» или «социальный актор» (social actor — ‘деятель, деятельное лицо’), означающий того, кто совершает действия, занимается социальной деятельностью, уже получил право широкой «прописки» в социологии, политологии, теории международных отношений, социальной психологии, антропологии.⁶ При этом под актором может подразумеваться как индивид, так и группа лиц, социальная страта, организационная структура, предприятие, общественное движение и т. д. В сущностном плане выделяются две интерпретации понятия. Согласно первой, акторами являются любые индивиды или социальные группы, играющие

какие-либо «роли», причем далеко не всегда сознательно. В рамках этого подхода акторами становятся все участники исторического события или процесса, вне зависимости от степени их субъективной включенности в него. Мы хорошо знаем, что, «играя роли», люди порой прибегают к их интерпретации или «переделке». Однако автоматическая «игра», которая не сопровождается сознательным «руководством» своими действиями, — также обычное явление в социальных практиках.

Согласно второй интерпретации, акторы — это авторитетные организации, группы и отдельные лица, не просто «играющие роль», но способные действовать и вносить своей деятельностью изменения в окружающую среду и в параметры самой «роли». Предполагается, что актер во втором смысле слова соотносится со стратегией и стремится к поиску идентичности. В этом случае понятие «актор» полезно дополнить понятием «агент», означающим выразителя, вольного или невольного проводника тех или иных норм и ценностей определенной социальной системы, которая определяет логику его поведения в той или иной ситуации.⁷ Подобная терминологическая «диверсификация» обогащает аналитический потенциал, позволяя осуществлять дифференциацию участников исторического процесса по степени их активности/пассивности, организационно-творческого вклада, рефлексивной включенности и как бы присваивать им разные по значимости коэффициенты «уровня участия». Необходимо также понимать, что, как справедливо отмечает историк И. Н. Федюкин, «при более внимательном рассмотрении целого ряда государственных новаций... выясняется, что своим появлением и обликом они обязаны не “государству” и “государственной политике”, а как раз усилиям вполне конкретных “дельцов”, развивавших соответствующие инициативы в своих собственных целях (пусть даже и пользуясь для этого своим официальным положением государственного чиновника и государственными ресурсами)».⁸

Хронологические рамки российской модернизации имперского периода варьируются в различных трудах в широких пределах — от

⁴ Moore B. Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston, 1966.

⁵ Алаев Л. Б. *Марксизм // Теория и методология истории*. Волгоград, 2014. С. 58, 59.

⁶ Большой толковый социологический словарь (Collins). М., 1999. Т. 2: (П–Я). С. 254, 255; Турен А. *Возвращение человека действующего*. Очерк социологии. М., 1998; Ритцер Дж. *Современные социологические теории*. СПб., 2002. С. 91, 239, 263, 343, 352, 448, 449 и др.; Цыганков П. А. О содержании термина «международный актор»: вклад социологии // *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4-го Конвента РАМИ: в 10 т. М., 2007. Т. 1. С. 30–42; Харкевич М. Проблематизация государства как актора мировой политики // Космополис. 2008, весна. № 1 (20). С. 18–25.*

⁷ Цыганков П. А. Указ. соч. С. 31, 32; Впрочем, иногда понятия «актор» и «агент» употребляются как синонимы. См.: Харкевич М. Указ. соч. С. 23.

⁸ Федюкин И. Введение // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М., 2015. С. 10.

XVI–XVII вв. до 1917 г., согласно одной точке зрения, до фактически рубежа XIX и XX вв. (узкая точка зрения). При этом 1917 г. как финальный рубеж имперской модернизации признается большинством историков, но между ними существуют разногласия относительно «старта» модернизации: начальным рубежом может выступать XVI–XVII вв.⁹ (сторонники «ранней» модернизации обычно указывают на зарождение многих явлений и тенденций, таких, например, как полки иноземного строя, развитие образования и культуры, появление «заводов», еще в допетровский период); эпоха петровских преобразований (наиболее распространенная точка зрения как среди зарубежных, так и среди российских ученых);¹⁰ начало XIX в. (при этом период XVI–XVIII вв. трактуется как эпоха, скорее, продолжения прежних традиций; петровские реформы в данном случае не рассматриваются в качестве водораздела в истории России);¹¹ эпоха Великих реформ;¹² рубеж XIX и XX вв.¹³ В рамках различных концепций Россия интерпретируется то как страна, реализовавшая модель догоняющего развития, то как государство со своим самобытным историческим маршрутом.¹⁴

⁹ См.: *Modernizing Muscovy: reform and social change in seventeenth-century. L.*, 2004; Нефедов С. А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // *Вопр. истории.* 2004. № 4. С. 33–52.

¹⁰ См.: Зарубежный опыт и Россия; Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999; Он же. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 1999. Т. 1–2; Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000.

¹¹ См.: Martin R. The Petrine divide and the periodization of Early Modern Russian history // *Slavic review.* Champaign, 2010. Vol. 69, № 2. P. 410–425; Ostrowski D. The end of Muscovy: A case circa 1800 // *Slavic review.* Champaign, 2010. Vol. 69, № 2. P. 427–438.

¹² См.: *The transformation of Russian society. Aspects of social change since 1861.* Cambridge (Mass.), 1960.

¹³ См.: Грегори П. Экономический рост Российской империи. М., 2003.

¹⁴ Большакова О. В. Власть и политика в России XIX — начала XX века: американская историография. М., 2008; Она же. Парадигма модернизации в англо-американской русистике... С. 139–157; Поткина И. В. Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994; Поткина И. В., Селунская Н. Б. Россия и модернизация (в прочтении западных ученых) // *История СССР.* 1990. № 4. С. 194–207; Проскуракова Н. А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии. С. 153–165; Побережников И. В. Россия в мировом историческом процессе: три теоретические проекции // *Нестор. Журнал истории и*

Предварительный историографический анализ выявил наличие в русле собственно трудов по модернизационной тематике двух точек зрения по вопросу о роли государства в контексте российских модернизаций: 1) государство — демиург, по сути единственный актер модернизации;¹⁵ 2) имперская модернизация имела дуалистический характер, что подразумевает наличие, по меньшей мере, двух потоков, или уровней — а) доминирующей индуцированной, целенаправленной, преимущественно этатистской модернизации и б) спонтанной, естественной, низовой, нонэтатистской модернизации.¹⁶

Что касается роли отдельных социальных категорий, то здесь мы имеем дело с дихотомической системой историографических координат, представленной оптимистическим и пессимистическим полюсами (см. таблицу).

Естественно, в историографии существуют не только полярные точки зрения — имеются и промежуточные оценки практически каждой из рассмотренных категорий, предполагающие, в частности, противоречивые характеристики социальных групп, сочетающие традиционные и современные измерения, а также эволюцию этих характеристик со временем. Тем не менее, такой разброс мнений свидетельствует о том, что вопрос о движущих силах, акторах российских модернизаций является недостаточно изученным, дискуссионным.

В этой связи особую актуальность приобретает вопрос об адекватных методологических схемах исторического анализа формирования акторов модернизации, эволюции акторных структур, модернизационных стратегий акторов, исторического опыта формирования социальных статусов и идентичностей различных акторных групп, а также выработки технологий увеличения имеющихся в их распоряжении ресурсов и способов их преобразования в реальные современные возможности.

культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. № 11. С. 49–59.

¹⁵ См.: *Модернизация: Зарубежный опыт и Россия...*; Хорос В. Г. В поисках ключа к прошлому и будущему (размышления в связи с книгой А. С. Ахиезера) // *Вопр. философии.* 1993. № 5. С. 99–111; Piirainen T. *Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life.* Helsinki, 1997. P. 12–15.

¹⁶ См.: Керов В. В. «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004; Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 333.

Таблица

ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНЫХ АКТОРОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Социальная категория	Оптимистическая позиция	Пессимистическая позиция
Бюрократия	Единственная сила, желающая и реально способная взять на себя ответственность за осуществление трансформации; характеризуется реформаторскими устремлениями, верой в прогресс, преданностью идее «законности». ¹⁷	Отсталая, безграмотная, бедная, продажная, пассивная и коррумпированная; сопротивлялась любым нововведениям в управлении, боясь потерять хотя бы часть власти; ее функции сводились к получению и исполнению указаний царя и его ближайших советников; когда же ее интересы расходились с инновационными целями монарха, типичным ответом были инертность и тактика затягивания; может проводить модернизацию, не впитывая при этом ее ценности. ¹⁸
Предприниматели	В России сложилась буржуазия как класс капиталистического общества, сформировалось свое предпринимательство. ¹⁹	Русская буржуазия оставалась социокультурно «неприкаянной»; православие не давало твердой санкции на предпринимательство, на богатство, поэтому русский купец и промышленник часто становился монахом или гулякой, меценатом или революционером. ²⁰
Рабочие	Плавный процесс формирования пролетариата капиталистической формации, который начинается еще в рамках традиционного феодального общества.	Русские рабочие воспроизводили и развивали коллективистские ценности крестьянства. Европейский город создавал для рабочего среду воспроизводства новых потребностей, стимулировал тягу рабочих к респектабельности, новым видам досуга (футбол, семейные прогулки в парках, отпуск на морском побережье), русский же рабочий не был укоренен в городе, жил обычно в фабричных казармах, без семьи, а отдых для него означал кабаки, публичный дом и коллективные драки («стенки»). ²¹
Крестьянство	Вполне подвержено буржуазной эволюции, процессам социальной дифференциации, расслоения вследствие воздействия капитализма; способно включиться в модернизационные процессы. ²²	Характерны тенденция архаизации, мощная тяга к организационному усилению общины, ²³ нерациональный образ жизни без точного распределения времени, даже без представления о времени, отсутствие понимания элементарных связей, грязь и неряшливость, отчуждающая от мира набожность, глубокая покорность климату и природной стихии, хитрость и ограниченность; не способно участвовать в модернизационных процессах. ²⁴

¹⁷ Напр., см.: Большакова О. В. Власть и политика... С. 107–132.¹⁸ Там же. С. 64–75.¹⁹ См.: Лаврычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861–1900. М., 1974; Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. Томск, 1975.²⁰ Ионов И. Н. Россия и современная цивилизация // Отеч. история. 1992. № 4. С. 68.²¹ Там же. С. 69.²² Водарский Я. Е. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972; Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой

половине XIX в. М., 1967; Рындзюнский П. Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60-е — 80-е годы XIX в.). М., 1966; Он же. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века (Взаимодействие города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983; Соловьева Е. И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981.

²³ Там же. С. 68, 69.²⁴ Оценки Т. фон Лауэ. См.: Гиндин И. Ф. Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ // История СССР. 1971. № 4. С. 209.

Продолжение таблицы

Интеллигенция	Активная, подвижническая, креативная, готова жить по нормам современного общества, активно функционирует в рамках гражданского общества. ²⁵	Разделяет антикапиталистические настроения; характерны отсутствие «любования индустриальными творениями», восхищения капитализмом. ²⁶ «Разорванность» как следствие социокультурного раскола, вызванного вестернизацией Петра I, неспособность к конструктивной созидательной деятельности. ²⁷
---------------	--	--

Перспективным представляется сфокусироваться на определении роли институционально-организационных и социальных акторов (гражданские и территориально-отраслевые административно-бюрократические структуры, органы самоуправления, предприниматели, профессиональные группы и сообщества, иностранные специалисты, интеллигенция и т. д.) в обеспечении динамики и характера российской прото- и раннеиндустриальной модернизации (XVIII — начала XX вв.), их вклада в формирование институционально-политического, социально-экономического и культурно-символического облика модернизации.

В русле данного подхода эвристическую ценность приобретает изучение готовности человеческих ресурсов страны в целом к модернизационным преобразованиям на основе анализа уровня образованности, качества жизни, адаптационных возможностей и т. д., что представляется попыткой взглянуть на модернизацию как бы изнутри, с позиций оценивания способности и готовности населения поддерживать модернизационные мероприятия, с точки зрения установления степени соответствия модернизационного пути ожиданиям и запросам населения, от чего во многом и зависят перспективы развития страны вообще.

Для оценки перспектив модернизации важен анализ аксиологических и нормативно-институциональных предпосылок и ограничений. Хорошо известны схемы М. Вебера и С. Хантингтона, характеризующие связи между культурой и модернизацией. Согласно концепции М. Вебера, протестантская этика явилась фактором развития капиталистического предпринимательства. Исследуя воздействие религии на политическую культуру, С. Хантингтон пришел к выводу о наличии высокой корреляции между протестантизмом и демократией, об умеренном и отсроченном воз-

действии католицизма на рост демократии, об отсутствии препятствий для демократизации в контексте индуистских и синтоистских культур и о стимулировании тенденций к развитию авторитарных форм правления в русле ислама, конфуцианства и буддизма.

Коснемся вопроса влияния религиозной культуры на динамику и характер экономического развития. Во-первых, как нам кажется, не следует преувеличивать значение такого влияния. Капитализм получил широкое распространение по всему миру, даже в «зеркальных» странах буддийского Востока, причем некоторые из азиатских стран (Китай, Южная Корея, Япония) со временем вообще стали конкурировать, несмотря на отсутствие протестантской этики, с западными партнерами. Во-вторых, победное шествие капитализма (а с ним и модернизации) по планете было связано уже не с религией как основой хозяйственной этики, а, скорее, с процессами секуляризации сознания предпринимателей и интеллигенции, с внешними стимулами, побуждавшими межстрановую конкуренцию, с трансфером передовых технологий, организационных форм, культурных ценностей.

Тем не менее, что касается православия как основной религии наиболее многочисленного народа Российской империи, то для него характерно двойственное отношение к труду. В системе православного мировосприятия и мировоззрения, с одной стороны, труд — добродетель, инструмент духовного воспитания, форма аскезы. Такая оценка труда вытекает из христианской традиции вообще, ведь еще апостол Павел во втором послании к фессалоникийцам (солунянам) писал: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь». Данная фраза почти без изменений вошла вторым пунктом в советскую Конституцию 1936 г. и в «Моральный кодекс строителя коммунизма» — свод принципов коммунистической морали, включенный

²⁵ См.: Миронов Б. Н. Россия и Запад в XVIII — начале XX в. // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. № 11. С. 25, 26.

²⁶ См.: Гиндин И. Ф. Указ. соч. С. 209, 210.

²⁷ Ионов И. Н. Указ. соч. С. 69, 70.

в текст Третьей Программы КПСС, принятой XXII съездом (1961).

С другой стороны, труд — деятельность, связанная с удовлетворением потребностей тела. Поэтому носители православия не делали из прибыли самоценности, требовали соблюдать умеренность в труде, «надеяться больше на промысел Божий». В этом смысле русские (православные), с нашей точки зрения, принципиально не отличались от западноевропейцев (католиков). Вероятно, несколько сложнее обстоит дело с взаимосвязью между конфессиональной и политической культурой, однако этот вопрос требует самостоятельного осмысления.

Выявление действующих акторов субъектов модернизации невозможно без изучения социально-сословного устройства. В новейшей историографии высказываются разные мнения о социальном строе российского общества имперского периода. М. Конфино полагает, что сословий в России не существовало, а общество делилось на многочисленные социальные группы.²⁸ Однако большинство современных историков, как западных, так и российских, исходит из того, что сословия создавались государственной властью в России на протяжении XVIII в., первое законодательное оформление жалованными грамотами дворянству и городам получили в 1785 г.; после Великих реформ стали медленно превращаться в классы и профессиональные группы, хотя этот процесс так и не завершился к 1917 г. (т. е. сословия оказались чрезвычайно устойчивыми и просуществовали до самого конца царского режима).²⁹ Следствием длительного сохранения сословного порядка являлось пребывание человека имперской России в рамках сословной парадигмы. При этом российская сословная структура была достаточно гибкой, подвижной, особенно после 1860-х гг. Как отмечает Г. Фриз, хотя дореформенное общественное устройство поверхностно напоминало западную систему сословий, российская сословная структура была намного более дифференцированной и «текучей», чем могла бы

позволить жесткая «четырёхсословная парадигма», сословная система могла вполне адаптироваться к потребностям экономического и социального развития; многовариантная система допускала специализацию и профессионализацию деятельности внутри формальной системы наследственных сословий.³⁰

Отсутствие корпоративного статуса было наиболее заметным в случае с представителями самых новых профессий — народными учителями, статистиками, агрономами, лесничими, которые не получили юридического признания в дореформенной России, а после 1864 г. работали преимущественно в земствах («интеллигенция», «третий элемент»)³¹

Тем не менее, сословный строй препятствовал формированию равных возможностей для продвижения представителей различных сословий, тормозил социальную мобильность, процессы урбанизации и индустриализации. Необходимо также иметь в виду, что большинство населения в начале XX в. все еще проживало в деревне, относилось к крестьянству, придерживавшемуся традиционалистского уклада. Итак, человеческий потенциал одновременно являлся и предпосылкой, и индикатором динамики модернизации. В России человеческий потенциал демонстрировал достаточную гибкость и готовность адаптироваться к условиям модернизации.

В качестве методологического приема, позволяющего «отслеживать» (локализовать) акторов модернизации, можно было бы использовать структурно-функционалистский подход, разработанный в начале 1950-х гг. Т. Парсонсом и Э. Шилзом и вошедший в состав так называемой теории социального действия Парсонса. Речь идет о его концепции «типовых переменных».³² «Типовые переменные» структурируют проблемы выбора, которые встают перед актором, и классифицируют возможные пути их решения. По Парсонсу — Шилзу, существует пять наборов «типовых переменных»: 1) *аффективность VS аффективная нейтральность* (личностные, эмоциональные, «лицом к лицу» отношения в традиционном обществе противопоставляются «модерным» социальным отношениям — неличностным, отчужденным, косвенным); 2) *партикуляризм VS универсализм* (традиционалистское

²⁸ См: Confino M. The soslovie (estate) paradigm. Reflections on some open questions // Cahiers du monde russe. 2008.4, vol. 49. P. 681–704.

²⁹ См.: Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX века). М., 2010; Миронов Б. Н. Социальная история России... СПб., 1999. Т. 1. С. 76–157; Фриз Г. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 121–162.

³⁰ Фриз Г. Указ. соч. С. 142, 143.

³¹ Там же. С. 149–152.

³² Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. С. 495–515.

внимание лишь к объектам, обладающим специфическими для индивида признаками, противопоставляется современной эквивалентной ориентации индивида на объекты, обладающие равными параметрами); 3) *коллективистская ориентация VS индивидуалистская ориентация* (достижение интересов коллектива или индивида); 4) «*приписка*» (англ. *ascription*) *VS достижение* (доминирующая в традиционном обществе оценка по личным качествам, «приписанным» от рождения человеку, противопоставляется «модерному» оцениванию людей по их действиям, достижениям); 5) *функциональная диффузность VS функциональная специализация* (вовлеченность вместе с другими индивидами в широкий спектр социальной деятельности противопоставляется концентрации на достижении специфических, структурированных целей). Концепция «типовых переменных» позволяет в общем дифференцировать субъектов, придерживающихся в своем поведении традиционалистских или модернистских ориентаций. Степень «насыщенности» поведения «модерными» ориентациями позволяет в какой-то мере говорить о степени «акторности» участника исторических процессов. Правда подобный подход имеет один недостаток: он недостаточно «восприимчив» к динамике, к социальным изменениям.

Тем не менее, даже применение структурно-функционалистского по своей природе подхода показывает, насколько сложной является историческая реальность, как много поведенческих и мотивационных вариаций демонстрируют даже представители, казалось бы, одной социальной группы. Так, уральский историк Л. В. Сапоговская предприняла попытку типологизации стилей хозяйствования владельцев уральских горнозаводских округов в условиях «постфеодального рынка» рубежа XIX и XX вв.³³ Автор учитывал такие критерии, как степень осознания владельцами особенностей переживаемого экономикой момента; характер и системность предпринимавшихся мер; спектр мотивации предпринимаемых мер («рентоориентированное поведение» — с одной стороны; вступление на путь буржуазного предпринимательства, с другой); внутренние или внешние источники финансирования модернизации,

рыночной адаптации горнозаводских округов. В итоге было выделено два полярных теоретически условных типа владельцев, положительно или отрицательно оцененных «с точки зрения Дела и Прогресса». Но в реальности, как замечает Л. В. Сапоговская, вряд ли можно было кого-либо из заводчиков отнести к какому-то одному идеальному типу, вместо этого пришлось прибегнуть к моделированию гибридных типов, в которых в разной степени сочетались «модерные» и традиционалистские черты: автор выделяет такие типы, как «агрессивные рантье» (не желавшие заниматься уральскими делами, в конце концов сошедшие с арены горнозаводской деятельности); «сентиментальные рантье» (интерес к своему делу не подкреплялся умением калькулировать); «хозяйствующие поневоле» рантье; позитивные предприниматели; «рыночники-теоретики» и т. д.³⁴

Предложенный подход может быть дополнен инструментами, усиливающими его познавательную гибкость. Важное теоретико-методологическое значение в рамках нашего исследования приобретает концепт «стратегия», связывающий микроуровень индивидуальных акторов и макроуровень социальных структур. Стратегия предполагает деятельность по достижению целей и применима к разным историческим эпохам. При этом необходимо понимать, что жизненные интересы имели различную природу в разные периоды прошлого, различался удельный вес воздействующих на них факторов (расчет и оптимизация, ценности, традиции, аффекты — основные типы поведения, согласно известной схеме М. Вебера), а стратегии далеко не всегда являлись рациональными с современной точки зрения.³⁵ Данная концептуальная схема рассматривает формирующийся в историческом контексте институциональный порядок как результирующую взаимодействия и противоборства разнообразных и разнонаправленных интересов — индивидуальных, групповых, корпоративных, ведомственных и т. д. В итоге мы получаем гораздо более реалистичную картину модернизационного процесса — не заданную заранее телеологическую конструкцию, а образ модернизирующегося общества, вклад в рисунок которого вносится каждым из охваченных анализом носителей того или иного интереса.

³³ См.: Сапоговская Л. В. Владельцы уральских горнозаводских округов: типы хозяйствования в постфеодальном рынке // Развитие металлургического производства на Урале: сб. докл. и сообщ. ист. экон. секции Междунар. конгр., посвящ. 300-летию металлургии Урала и России. Екатеринбург, 2001. С. 76–87.

³⁴ Там же. С. 84, 85.

³⁵ См.: Побережников И. В. Человек в условиях социальных трансформаций: концептуальные интерпретации // Урал. ист. вестн. 2012. № 3 (36). С. 11, 12.

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: pober1871@mail.ru

RUSSIAN MODERNIZATION ACTORS: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Based on historiographic analysis the article presents two opposing approaches towards the interpretation of the driving forces of the Russian Empire modernization and the role of the state in its implementation. The author provides arguments in favor of an heuristic value of assessing the general readiness of the country's human resources for modernizational transformations on the basis of the level of education, quality of life, adaptational capabilities, etc. analysis. A new methodological approach towards the study of Russian modernization processes of the imperial period was proposed based on identification of their main actors' role, actor structures evolution, and the reconstruction of the actors' modernization strategies. This approach facilitated better understanding of the regularities and specifics of transition from the traditional to modern society under the conditions of the Russian Empire.

Keywords: *Russia, empire, modernization, actors, agents, key variables, activity, strategy, motivation, state, bureaucracy, civil society, businessmen, professionals, intellectuals*

REFERENCES

- Alaev L. B. *Marksizm* [Marxism]. Teoriya i metodologiya istorii — Theory and methodology of history. Volgograd: Uchitel Publ., 2014, pp. 55–89. (in Russ.).
- Bolshakova O. V. *Paradigma modernizatsii v anglo-amerikanskoy rusistike (Rossiyskaya imperiya)* [Modernization paradigm in Anglo-American Russian philology (Russian Empire)]. Politicheskaya nauka. Politicheskoe razvitiye i modernizatsiya: Sovremennye issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov — Political science. Political development and modernization: Modern researches: collection of scientific works. Moscow, 2003, pp. 139–157. (in Russ.).
- Bolshakova O. V. *Vlast i politika v Rossii XIX — nachala XX veka: amerikanskaya istoriografiya* [The power and policy in Russia XIX — the beginnings of the XX century: American historiography]. Moscow: Nauka Publ., 2008. 263 p. (in Russ.).
- Bolshoy tolkovyy sotsiologicheskii slovar (Collins)* [Big explanatory sociological dictionary (Collins)]. Moscow: VYeChYe-AKT Publ., 1999. Vol. 2 (P–Ya). 528 p. (in Russ.).
- Confino M. *The soslovie (estate) paradigm. Reflections on some open questions*. Cahiers du monde russe. 2008, 4. Vol. 49, pp. 681–704. (in English).
- Friz G. *Soslovnaya paradigma i sotsialnaya istoriya Rossii* [Class paradigm and social history of Russia]. Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednykh let. Imperatorskiy period: Antologiya — American Russian philology: Milestones of a historiography of the last years. Imperial period: Anthology. Samara: Samarskiy Uni. Publ., 2000, pp. 121–162. (in Russ.).
- Gindin I. F. *Kontseptsiya kapitalisticheskoy industrializatsii Rossii v rabotakh Teodora fon Laue* [The concept of capitalist industrialization of Russia in Theodor von Laue's works]. Istoriya SSSR. 1971, no. 4, pp. 204–232. (in Russ.).
- Gregori P. *Ekonomicheskiy rost Rossiyskoy imperii* [Economic growth of the Russian Empire]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2003, 251 p. (in Russ.).
- Ionov I. N. *Rossiya i sovremennaya tsivilizatsiya* [Russia and modern civilization]. Otechestvennaya istoriya, 1992, no. 4, pp. 62–73. (in Russ.).
- Ivanova N. A., Zheltova V. P. *Soslovnnoe obshchestvo Rossiyskoy imperii (XVIII — nachalo XX veka)* [Class society of the Russian Empire (XVIII — the beginning of the XX century)]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2010, 752 p. (in Russ.).
- Kamenskiy A. B. *Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt tselostnogo analiza)* [From Peter I to Paul I: reforms in Russia the XVIII century (experience of the complete analysis)]. Moscow: RGGU Publ., 1999. 575 p. (in Russ.).
- Kamenskiy A. B. *Rossiyskaya imperiya v XVIII veke: traditsii i modernizatsiya* [The Russian Empire in the XVIII century: traditions and modernization]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999. 338 p. (in Russ.).
- Kerov V. V. «*Se chelovek i delo ego ...*»: *Konfessionalno-eticheskie faktory staroobryadcheskogo predprinimatelstva v Rossii* [“Xie of people and his business ...”: Confessional and ethical factors of Old Belief business in Russia]. Moscow: Ekon-inform Publ., 2004. 654 p. (in Russ.).

- Khoros V. G. *V poiskakh klyucha k proshlomu i budushchemu (razmyshleniya v svyazi s knigoy A. S. Akhiezer)* [In search of a key to the past and the future (reflections in connection with A.S. Akhiezer's book)]. *Voprosy filosofii*, 1993, no. 5, pp. 99–111. (in Russ.).
- Kovalchenko I. D. *Russkoe krepostnoe krestyanstvo v pervoy polovine XIX v.* [The Russian serf peasantry in the first half of the XIX century]. Moscow: MGU Publ., 1967. 398 p. (in Russ.).
- Krasilshchikov V. A., Gutnik V. P., Kuznetsov V. I., Belousov A. R. *Modernizatsiya: Zarubezhnyy opyt i Rossiya* [Modernization: Foreign experience and Russia]. Moscow: Infomart Publ., 1994. 114 p. (in Russ.).
- Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu? Aktory makro-, mezo- i mikrourovney sovremennogo transformatsionnogo protsesssa* [Who and where seeks to conduct Russia? Actors macro- meso- and microlevels of modern transformational process]. Moscow: MVShSEN, Intertsentr Publ., 2001. 384 p. (in Russ.).
- Laverychev V. Ya. *Krupnaya burzhuaziya v poreformennoy Rossii* [Upper bourgeoisie in post-reform Russia. 1861–1900.]. 1861–1900. Moscow: Mysl Publ., 1974. 258 p. (in Russ.).
- Martin R. *The Petrine divide and the periodization of Early Modern Russian history*. *Slavic review*. Champaign, 2010. Vol. 69, no. 2, pp. 410–425. (in English).
- Medushevskiy A. N. *Utverzhdenie absolyutizma v Rossii* [The statement of an absolutism in Russia]. Moscow: Tekst Publ., 1994. 320 p. (in Russ.).
- Mironov B. N. *Rossiya i Zapad v XVIII — nachale XX v.* [Russia and the West in XVIII — the beginning of the XX century.]. Nestor. No. 11. *Zhurnal istorii i kultury Rossii i Vostochnoy Yevropy*. *Smena paradigm: sovremennaya rusistika. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya* — Nestor. No. 11. Magazine of history and culture of Russia and Eastern Europe. Change of paradigms: modern Russian philology. Sources, researches, historiography. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2007, pp. 25–48. (in Russ.).
- Mironov B. N. *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.). Genезis lichnosti, demokraticheskoy semi, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia of the period of the empire (XVIII — the beginning of the XX century). Genesis of the personality, democratic family, civil society and constitutional state.]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1999. Vol. 1–2. 548 p.; 583 p. (in Russ.).
- Modernizing Muscovy: reform and social change in seventeenth-century Russia*. Ed. by Kotilaine J., Poe M. London, New York: Routledge Curzon Publ., 2004, 489 p. (in English).
- Moore B. Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Penguin University books Publ., 1966. 516 p. (in English).
- Nefedov S. A. *Pervye shagi na puti modernizatsii Rossii: reformy serediny XVII veka* [The first steps on the way of modernization of Russia: reforms of the middle of the XVII century]. *Voprosy istorii*, 2004, no. 4, pp. 33–52. (in Russ.).
- Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX veka* [Experience of the Russian modernizations of the XVIII–XX century]. Moscow: Nauka Publ., 2000. 246 p. (in Russ.).
- Ostrowski D. *The end of Muscovy: A case circa 1800*. *Slavic review*. Champaign, 2010. Vol. 69, no. 2, pp. 427–438. (in English).
- Parsons T. *O strukture sotsialnogo deystviya* [About structure of social action]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2000. 880 p. (in Russ.).
- Piirainen T. *Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures and Everyday Life*. University of Helsinki. Aldershot, Brookfield : Dartmouth Publ., 1997. 256 p. (in English).
- Poberezhnikov I. V. *Rossiya v mirovom istoricheskom protsesse: tri teoreticheskie proektsii* [Russia in world historical process: three theoretical projections]. Nestor. No. 11. *Zhurnal istorii i kultury Rossii i Vostochnoy Yevropy*. *Smena paradigm: sovremennaya rusistika. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya* — Nestor. No. 11. Magazine of history and culture of Russia and Eastern Europe. Change of paradigms: modern Russian philology. Sources, researches, historiography. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2007, pp. 49–66. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. *Chelovek v usloviyakh sotsialnykh transformatsiy: kontseptualnye interpretatsii* [The person in the conditions of social transformations: conceptual interpretations]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 2012, No. 3 (36). pp. 4–13. (in Russ.).
- Potkina I. V. *Industrialnoe razvitie dorevolyutsionnoy Rossii. Kontseptsii, problemy, diskussii v amerikanskoj i angliyskoj istoriografii* [Industrial development of pre-revolutionary Russia. Concepts, problems, discussions in the American and English historiography]. Moscow: Institut rossiyskoy istorii, 1994. 231 p. (in Russ.).
- Potkina I. V., Selunskaya N. B. *Rossiya i modernizatsiya (V prochtenii zapadnykh uchenykh)* [Russia and modernization (In reading of the western scientists)]. *Istoriya SSSR*, 1990, no. 4, pp. 194–207. (in Russ.).

- Proskuryakova N. A. *K voprosu o kontseptualizatsii ekonomicheskogo razvitiya Rossii XIX — nachala XX vv.* [To a question of conceptualization of economic development of Russia XIX — the beginnings of the XX centuries.]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie.* — Economic history. Review. No. 11. Moscow: MGU, 2005, pp. 151–158. (in Russ.).
- Proskuryakova N. A. *Kontseptsii tsivilizatsii i modernizatsii v otechestvennoy istoriografii* [Concepts of a civilization and modernization in a domestic historiography]. *Voprosy istorii*, 2005, no. 7, pp. 153–165. (in Russ.).
- «*Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet...*»: *Obrazovatelnye proekty v Rossii v pervoy polovine XVIII veka* [“The regular academy will be founded ...”: Educational projects in Russia in the first half of the XVIII century]. Moscow: Novoe izdatelstvo Publ., 2015. 408 p. (in Russ.).
- Rabinovich G. Kh. *Krupnaya burzhuaziya i monopolisticheskiy kapital v ekonomike Sibiri kontsa XIX — nachala XX vv* [Upper bourgeoisie and monopolisticheskiu the capital in economy of Siberia a kontsa XIX — the beginning of the XX centuries.]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo Uni. Publ., 1975. 328 p. (in Russ.).
- Rittser Dzh. *Sovremennye sotsiologicheskie teorii* [Modern sociological theories]. St. Petersburg: Piter Publ., 2002. 688 p. (in Russ.).
- Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia which is reformed]. No. 12: annual. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2013. 528 p. (in Russ.).
- Ryndzunskiy P. G. *Krestyanskaya promyshlennost v poreformennoy Rossii (60-e — 80-e gody XIX v.)* [The country industry in post-reform Russia (the 60th — the 80th years of the XIX century)]. Moscow: Nauka Publ., 1966. 260 p. (in Russ.).
- Ryndzunskiy P. G. *Krestyane i gorod v kapitalisticheskoy Rossii vtoroy poloviny XIX veka (Vzaimodeystvie goroda i derevni v sotsialno-ekonomicheskom stroe Rossii)* [Peasants and the city in capitalist Russia of the second half of the XIX century (Interaction of the city and village in a social and economic system of Russia)]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 270 p. (in Russ.).
- Sapogovskaya L. V. *Vladeltsy uralskikh gornozavodskikh okrugov: tipy khozyaystvovaniya v postfeodalnom rynke* [Owners of the Ural mining districts: managing types in the post-feudal market]. *Razvitie metallurgicheskogo proizvodstva na Urals. Sbornik dokladov i soobshcheniy istoriko-ekonomicheskoy sekti Mezhdunarodnogo kongressa, posvyashchennogo 300-letiyu metallurgii Urals i Rossii* — Development of metallurgical production in the Urals. The collection of reports and messages of historical and economic section of the International congress devoted to the 300 anniversary of metallurgy of the Urals and Russia. Ekaterinburg: Akademkniga Publ., 2001, pp. 76–87. (in Russ.).
- Soloveva Ye. I. *Promysly sibirskogo krestyanstva v poreformenny period* [Crafts of the Siberian peasantry during the post-reform period]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1981. 329 p. (in Russ.).
- The transformation of Russian society. Aspects of social change since 1861.* Cambridge (Mass.), 1960. VIII, 695 p. (in English).
- Tsivilizatsionnoe svoeobrazie rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX vv.: prostranstvenno-vremennoy aspect* [Civilization originality of the Russian modernizations of the XVIII–XX centuries: existential aspect]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2011. 384 p. (in Russ.).
- Tsygankov P. A. *O sodержanii termina «mezhdunarodnyy aktor»: vklad sotsiologii* [About contents of the term “international actor”: sociology contribution]. *Prostranstvo i vremya v mirovoy politike i mezhdunarodnykh otnosheniyakh: materialy 4 Konventa RAMI* — Space and time in world politics and the international relations: materials 4 Conventions of RAMI. Vol. 1: Actors in space and time of world politics. Moscow: MGIMO-Uni. Publ., 2007, pp. 30–42. (in Russ.).
- Turen A. *Vozvrashchenie cheloveka deystvuyushchego. Ocherk sotsiologii* [Return of the person acting. Sociology sketch]. Moscow: Nauchnyy mir Publ., 1998. 204 p. (in Russ.).
- Vodarskiy Ya. Ye. *Promyshlennyye seleniya tsentralnoy Rossii v period genezisa i razvitiya kapitalizma* [Industrial settlements of the central Russia during genesis and development of capitalism]. Moscow: Nauka Publ., 1972. 256 p. (in Russ.).
- Vozmozhna li modernizatsiya v Rossii? (materialy «kruglogo stola»)* [Whether modernization in Russia is possible? (materials of “a round table”)]. *Mir Rossii — World of Russia*, 2008, no. 2, pp. 69–91. (in Russ.).
- Yakovlev A. A. *Agenty modernizatsii* [Agents of modernization]. Moscow: Izd. dom GU VShE Publ., 2007. 426 p. (in Russ.).